

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2020-9-1-446-455>

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ГАНСА БЛЮМЕНБЕРГА

PHÄNOMENOLOGISCHE SCHRIFTEN

Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2018. ISBN 9783518587218

ЛЮБОВЬ ЯКОВЛЕВА

Кандидат философских наук.

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов.

192238 Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: jakovleva.ljubov@yandex.ru

В рецензии представлены центральные идеи «Феноменологических сочинений» современного немецкого философа Г. Блюменберга. Задачи рецензии заключаются в прояснении общих положений метода Блюменберга, его критики феноменологии Э. Гуссерля и демонстрации роли и места «Феноменологических сочинений» в общем корпусе трудов Блюменберга. Основной фокус направлен на выявление роли метафорологии и антропологии для феноменологического подхода Блюменберга. В центре исследований Блюменберга находится проблема конечного человеческого сознания. Сознание переосмысливается Блюменбергом в контексте его «фактичности», зависимости от конкретного исторического существования человека. В этой связи Блюменберг осуществляет критику феноменологических проблем очевидности и объективности, выявляет роль «неочевидного», незавершенного и других форм негативности в опыте человека. Само сознание, согласно Блюменбергу, наряду с областями мира, времени или Другого не может стать непосредственной данностью, поэтому оно требует метафорических средств описания. Жизненный мир также описывается при помощи метафор, которые могут быть обнаружены в самом языке феноменологии Э. Гуссерля — в метафоре почвы или горизонта. В данной тематике раскрывается значение более раннего проекта «Парадигмы к метафорологии» Г. Блюменберга и его изначальный интерес к символическим, неполным средствам описания сознания и жизни человека. Дальнейшее раскрытие антропологического измерения феноменологии осуществляется в плоскости проблем интерсубъективности. Понятие интерсубъективности, с точки зрения Блюменберга, необходимо не столько для обоснования критериев объективности мира, сколько для выявления границ человеческого сознания в опыте Другого. В заключении рецензии представлено общее понимание Блюменберга феноменологического метода как особой «жизненной практики», которая может выходить за границы принципа очевидности и включать в себя области парадоксальности, гипотетичности и незавершенности в осмыслении деятельности сознания.

Ключевые слова: антропологическая феноменология, сознание, Гуссерль, метафорология, жизненный мир, интерсубъективность.

© LIUBOV IAKOVLEVA, 2020

HANS BLUMENBERG

PHÄNOMENOLOGISCHE SCHRIFTEN

Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2018. ISBN 9783518587218

LIUBOV IAKOVLEVA

PhD in Philosophy.

St Petersburg University of Humanities and Social Sciences

192238 St Petersburg, Russia.

E-mail: jakovleva.ljubov@yandex.ru

The review presents the central ideas of the *Phenomenological Writings* of the modern German philosopher H. Blumenberg. The main issue of this review is to clarify the general positions in the method of Blumenberg; his critics of the phenomenology of E. Husserl and to show the role of *Phenomenological Writings* in the corpus of Blumenberg's works. The main focus is to identify the significance of metaphorology and anthropology for Blumenberg's phenomenological approach. One of the most important ideas of Blumenberg's research is the problem of finite human consciousness. He reinterprets consciousness in the context of its "factuality," depending on the specific historical human existence. In this regard, Blumenberg criticizes the phenomenological problems of evidence and objectivity, underlines the role of "non-obvious," incomplete and other forms of negativity in human experience. Consciousness, according to Blumenberg, along with such spheres as the world, time or the Other cannot be given in its immediate presence, therefore it requires metaphorical means of description. The life world is also described by means of metaphors that can be found in E. Husserl's phenomenological language itself—in the metaphor of the soil or horizon. These topics reveal the meaning of the earlier project *Paradigms for Metaphorology* by G. Blumenberg and his initial interest in the symbolic, incomplete means of describing human consciousness and life. Further clarification of the anthropological dimension of phenomenology is carried out in the context of intersubjectivity problems. The concept of intersubjectivity, from the point of view of Blumenberg, is necessary not so much to justify the criteria of the objectivity of the world, as to reveal the boundaries of human consciousness in the experience of the Other. The conclusion of the review presents Blumenberg's interpretation of the phenomenological method as a special "life practice" that can cross the boundaries of the principle of evidence and include such areas as paradox, hypothesis and incompleteness in understanding the activity of consciousness.

Key words: anthropological phenomenology, consciousness, Husserl, metaphorology, life world, intersubjectivity.

«Феноменологические сочинения. 1981–1988» Г.Блюменберга вышли в свет в 2018 году в издательстве „Suhrkamp“ под редакцией Николая Замбона. Предлагаемые сочинения содержат впервые опубликованные труды Блюменберга разных лет и представляют различные ракурсы критики и интерпретации философии Э.Гуссерля. «Феноменологические сочинения» продолжают и расширяют темы, уже хорошо известные немецкоязычной и англоязычной аудитории читателей по его ранее изданным работам «Жизненный мир и техника с точки зрения феноменологии» (1963), «Время жизни и время мира»

(1986), «Описание человека» (2006), «Теория жизненного мира» (2007). Феноменологические сочинения состоят из пяти частей, упорядоченных издателем в соответствии с различными вопросами, интересовавшими Блюменберга на протяжении семи лет написания феноменологических работ. Первая часть охватывает магистральные темы феноменологии Блюменберга: соотношение истории и феноменологии, понятие действительности, проблемы описания мира. В центре размышлений, представленных во второй части книги, находятся понятия интерсубъективности и Другого, рассматриваемых им ранее в работе «Описание человека». Третья часть тематизирует границы и возможности анализа жизненного мира — одного из наиболее значимых понятий для текстов Г. Блюменберга. Четвертая часть сосредоточена на различных аспектах интерпретации времени и таких его форм, как память, ожидание, забвение или временное измерение опыта чтения. Пятая, завершающая часть сочинений, включает аналитику телесности: проблемы зримости тела во взгляде другого, анализ опыта прикосновения и его взаимосвязи со структурой интенциональности.

Для Блюменберга феноменология Гуссерля всегда выступала в качестве одного из полей для проведения мыслительных экспериментов (*Gedankenexperiment*): каковы будут последствия, если рассмотреть кризис через болезнь; если внедрить понятие жизни в понятие феноменологического сознания; если устранить мир из проблемы интерсубъективности; если исследовать метафоры в феноменологии? Как подчеркивает исследователь Блюменберга Жан-Клод Моно: «Блюменберг видит философию в целом как дисциплину гипотезы» (Monod, 2017, 14). Именно поэтому Блюменберг не только известен своим трудом «Парадигмы к метафорологии» (Blumenberg, 1998), но и собственными метафорами и гипотетическими ситуациями, вводимыми им для ответа на вопросы, неразрешимые при помощи строго понятийного подхода. «Мужество предположения» („*Mut zu Vermutung*“) — так Блюменберг охарактеризовал функцию одного из своих центральных понятий — «абсолютных метафор», дающих названия областям, выходящим за границы возможного опыта. Вместе с тем «Феноменологические сочинения» в не меньшей степени, чем остальные труды, демонстрируют принцип «мужества предположения», ставя под вопрос наиболее фундаментальные проблемы феноменологии. Мы остановимся на рассмотрении следующих сюжетов «Феноменологических сочинений» Блюменберга: проблем анализа сознания человека, метафорических средств описания его жизненного мира, вопроса об антропологическом измерении интерсубъективности, телесности и феноменологии взгляда.

Один из тезисов, который имеет особое значение для понимания подхода Блюменберга не только в данной книге, но и его метода в целом — это тезис о возможности сближения двух понятий — сознания и жизни: «...понять сознание в качестве жизни...» (Blumenberg, 2018, 20). Блюменберг стремится переосмыслить плоскость феноменов, доступных сознанию и способ описания самого сознания при помощи терминов, которые возникают из биологического дискурса и принадлежат традиции немецкой антропологии, представителями которой выступают А. Гелен и Х. Плеснер. Несмотря на то, что изначально феноменология, будь то в проектах М. Хайдеггера или в работах Э. Гуссерля, стремится как можно четче разграничить собственное поле исследований и область антропологии, Блюменберг считает антропологизацию феноменологии легитимным способом ее интерпретации. Поэтому в тематизации жизни сознания Блюменберг отталкивается от значений жизни, которые имеют отношение к жизни организмов, к животному миру, к проблемам инстинкта, условиям эволюции и самосохранения. В дальнейшем, подобное понимание жизни «переносится» на сферу сознания и становится метафорой «жизнь сознания». Между жизнью человека как биологического вида и «жизнью» сознания выстраивается аналогия, которая дает возможность риторических средств описания сознания. Жизнь сознания относится к одной из таких метафор, которые Блюменберг обозначает «абсолютными», то есть такими метафорами, которые «...противостоят требованиям терминологической точности и не могут быть переведены в область понятийности» (Blumenberg, 1998, 12). Другими примерами абсолютных метафор, которые встречаются на страницах трудов Блюменберга, являются метафоры «силы истины», «света истины», «читаемости мира», «мира как мореплавания». Значение абсолютных метафор во многом близко понятию символа И. Канта, к которому апеллирует сам Блюменберг (Blumenberg, 1998, 11), подчеркивая в абсолютной метафоре функцию переноса свойств, заимствованных из опыта на сферу, которая никогда не может стать объектом возможного опыта. Поэтому не поддающееся четкому понятийному определению «целое жизни, природы, истории или мира...» (Wetz, 2011, 117) требует обходных путей описания (*Umwege*), которые может предоставить абсолютная метафора. В этом отношении, в метафорологии жизни сознания, которая представлена Блюменбергом в «Феноменологических сочинениях», как и в других своих работах, «пытается подойти к субструктурам мышления, к подпочве, к питательному раствору систематических кристаллизаций...» (Blumenberg, 1998, 13). Подобная постановка вопроса позволяет Блюменбергу использовать такие метафоры жизни, как здоровье и болезнь и описать с их помощью деятельность сознания.

В анализе перехода от проблематики критики разума у И. Канта к описанию деятельности сознания у Э. Гуссерля, Блюменберг показывает, что уже у Канта процесс критики разума может быть рассмотрен в качестве формы терапии для «выздоровления» самого разума. Дальнейшее развитие метафоры выздоровления переносится уже на метод феноменологии. Если сознание, руководствующееся принципом очевидности, может быть рассмотрено как «здоровое», то необходимо принять во внимание и возможные «болезни» сознания, которые становятся необходимым условием его выживания. По аналогии с организмом, не только достигающим состояния здоровья, но и испытывающим потребность в заболеваниях для укрепления собственной системы, сознание испытывает потребность в гипотезах, парадоксах, метафорах. «Как и здоровье, сознание является, прежде всего, способностью жить вопреки и вместе с нарушениями» (Blumenberg, 2018, 21).

Использование метафорических аналогий для описания деятельности сознания демонстрирует установку Блюменберга по отношению к самой сфере сознания, которая не может быть описана при помощи понятий, но может быть отчасти определена при помощи неполных, обходных путей метафор. В этой связи особого внимания заслуживает проблематизация метафоричности феноменологического языка, который изначально мыслит себя как язык, лишенный какой-либо возможной риторики. Одним из таких примеров служат для Блюменберга метафоры, которые Гуссерль использует для описания жизненного мира. Проблема описания жизненного мира и его достоверности является одной из магистральных тем в творчестве Блюменберга и известна читателю, прежде всего, благодаря его труду «Время жизни и время мира» (1986). Между текстами предлагаемого издания и рассмотрением жизненного мира во «Времени жизни...» присутствует ряд сходных позиций. Обозначим ряд наиболее значимых сюжетов, определяющих интерес Блюменберга к понятию жизненного мира.

В первую очередь, тексты Блюменберга направлены на критику и анализ самой возможности создания теории жизненного мира как особого пласта всегда уже предданной достоверности. В этом отношении, фокус его исследований направлен на постановку вопроса о статусе достоверности и границах ее тематизации в феноменологическом дискурсе. С точки зрения Блюменберга, включение жизненного мира в описание является проблематичным, поскольку «срез» жизненного мира, который обозначается в качестве абсолютной достоверности, должен обладать свойством незаметности, неэксплицируемости, ускользающей от всякой теоретической установки вне зависимости от методов

ее анализа. В данном пункте мы можем увидеть близость рассуждений Блюменберга к поздним работам Л. Виттгенштейна. Л. Виттгенштейн в своей книге «О достоверности» подчеркивает «Всякий, кто не способен представить ситуацию, когда можно было бы сказать, “Я знаю, что это моя рука” (такие случаи и вправду редки), может назвать эти слова чепухой» (Wittgenstein, 2010, 198). Поэтому экспликация подобного суждения требует введения дополнительной языковой игры, допускающей его возможность. Каковы в этом случае условия описания самого жизненного мира и его тематизации? С точки зрения Блюменберга: «...под наименованием “жизненный мир” подразумевается единство переживания, которое не может быть описано изнутри. Описывающая установка всегда должна была разрушить то, чего она хотела добиться. Не существует никаких “Историй из жизненного мира”» (Blumenberg, 2001, 23). Подобная «неизреченность» достоверности становится также темой «Феноменологических сочинений» Блюменберга: «Феноменология была бы возможна без языка в принципе, поскольку жизненный мир мог бы существовать без языка, в предельном случае, потому что все понятно само по себе — зачем производить слова?» (Blumenberg, 2018, 334). Тем не менее, артикуляция жизненного мира в философском дискурсе является симптомом того, что достоверность лишена абсолютного, «доязыкового» статуса, но, напротив, заявляет о себе в качестве насущного вопроса в судьбе и самопонимании философии. Тем самым Блюменберг стремится, с одной стороны, продемонстрировать необходимость вопрошания о достоверности, понятой в качестве условия возможности всякого теоретического исследования. С другой стороны, он переосмысляет сам статус «абсолютности» подобной достоверности и способов его описания. Если стала возможной сама экспликация жизненного мира, то срез допредикативной невыразимости уже стал предметом тематизации, наблюдения и описания. Видение жизненного мира обусловлено тем, что плоскость достоверности всегда уже пронизана негативностью ожиданий, желаний, утрат и других форм «нарушения» достоверности мира. Так понятый жизненный мир, расположенный на периферии нашего внимания, всегда уже обладает не только лишь пластом устойчивости, но и постоянными элементами собственного разрушения, обуславливающими возможность его заметности и соответствующей ему артикуляции. Речь, которая в наибольшей степени соответствует способу данности жизненного мира для сознания, должна быть, с точки зрения Блюменберга, метафорической.

В «Феноменологических сочинениях» в различных главах мы можем увидеть критическое рассмотрение таких «метафор», как поле, горизонт или по-

чва. Так, в главе «Почва жизненного мира» Блюменберг выявляет значимость аналитики жизненного мира с точки зрения метафоры почвы как основания всякого возможного опыта. Приведем один из примеров использования «почвы» для описания понятия мира у Гуссерля: «...прежде любой познавательной деятельности существует мир в качестве универсальной основы (почвы)... Эта универсальная основа (почва) мироверования — это то, что предполагает любая практика, как жизненная практика, так и теоретическая практика познания» (Husserl, 1985, 25). Обращение к «почве» мира как основанию любой теоретической или жизненной практики, демонстрирует, как полагает Блюменберг, приверженность самого Гуссерля метафорике. В данном контексте внутренняя метафоричность гуссерлевской мысли противостоит его собственным устремлениям и попыткам тематизировать целое жизненного мира, не прибегая к столь «ненадежным» средствам описания, как метафора. Метафора позволяет избежать опредмечивания области достоверности жизненного мира. Последний заявляет о себе лишь в собственных нарушениях, отсылая к неэксплицируемой почве, требующей обходные пути несовершенного, неполного языка метафорики.

Наряду с интерпретацией принципов описания сознания и жизненного мира большое значение для понимания основных позиций Блюменберга имеет проблематика интерсубъективности, представленная Гуссерлем в «Картезианских размышлениях». Блюменберг стремится переосмыслить статус Другого в феноменологии с точки зрения «человеческого» сознания, то есть предложить антропологический ракурс данного вопроса. Поэтому, как и в других текстах, Блюменберг возвращает в феноменологический дискурс плоскость фактичности человеческого я, которое в «Картезианских размышлениях» подвергается трансцендентальной редукции.

С целью выявления значимости проблемы интерсубъективности для интерпретации конечного человеческого я, Блюменберг переосмыляет основную задачу введения данного понятия Гуссерлем: интерсубъективность, с точки зрения Блюменберга, имеет значение для феноменологии не только как понятие, необходимое для достижения объективности данности, но и как принцип, раскрывающий неустойчивое, неочевидное, двойственное положение человека в мире. Негативность обнаруживается человеческим сознанием в форме «огорчения плюрализма» (*das Ärgeris des Plurals*). Для пояснения данного термина, Блюменберг подчеркивает, что человеческое я не только осуществляет акт *cogito* и удостоверяется в объективности мира, но и испытывает неизбывное чувство утраты и случайности собственной позиции, как только оно сталкивается

в своем опыте с другим: «Я есть там, где я есть, с необходимостью в смысле трансцендентальной субъективности; однако не я необходим» (Blumenberg, 2018, 213). Соответственно, на моем месте, где свершается акт *cogito*, может оказаться любой другой конечный субъект, и к этой проблеме трансцендентальный субъект совершенно «равнодушен». Подобное «равнодушие» субъекта по отношению к вопросу о случайности и конечности человека отсылает к работе «Время жизни и время мира», где идет речь об особом опыте равнодушия времени мира по отношению к времени жизни отдельного конечного субъекта, испытывающего постоянное чувство утраты, поскольку время мира существовало до него и будет существовать после вне зависимости от его конкретного существования. В этом смысле, трансцендентальный субъект и интерсубъективность в феноменологии аналогичны в собственном «равнодушии» к конкретике отдельного существования. Подобный ход мысли и заимствование терминов показывает, что некоторые пункты экзистенциальной аналитики М. Хайдеггера воспринимались Блюменбергом как необходимые для переосмысления определенных позиций трансцендентальной феноменологии.

Проблема интерсубъективности, рассматриваемая Блюменбергом в рамках феноменологической антропологии, восходит к проблеме телесности и ее переплетения с возможностью видеть и быть увиденным. Утрата возможностей, которых лишает меня Другой, обнаруживает себя в первую очередь в восприятии моего собственного тела, представленного взгляду Другого. Подобное осознание взгляда Другого, определяющего мою собственную позицию, отсылает к феноменологическому описанию взгляда в «Бытии и ничто» Ж.-П. Сартра и приобретает новое звучание в антропологическом рассмотрении данного вопроса. Блюменберг, продолжая данную линию мысли, начатую им в «Описании человека», создает гипотетическую ситуацию трансформации сознания тела и взгляда человека, переходящего к прямохождению на определенном этапе своего эволюционного развития. Данная «эволюционно-биологическая фикция» (Müller, 2017, 339) призвана продемонстрировать, каким образом сознание тела, ставшего заметным и уязвимым для взгляда другого человека, включает сознание негативности, опасности и неустойчивости собственного положения. Так Блюменберг показывает, что интерсубъективность является одной из форм негативности, а «другое» заявляет о себе в опыте моего собственного тела, которое не сводится исключительно к моим возможностям, но накладывает на него границы: «Тело говорит “нет” самооценке возможностей и желания...» (Blumenberg, 2018, 327). В этом отношении, интерсубъективность имеет значение, как область, противостоящая ожиданиям, желаниям и представлениям, как грани-

ца, на которую «наталкивается» человек и осознает собственную конечность. Восприятие границы собственных возможностей обусловлено «пассивной оптикой», то есть возможностью быть увиденным, замеченным. Однако пассивная оптика не является единственным способом взаимодействия с другим взглядом и порождает ответное поле «активной оптики», которая выполняет двойную функцию: самосохранения и самоутверждения. Защитная функция самосохранения раскрывается в постоянной потребности «отказываться, загоразиваться, становиться непрозрачным в собственной зримости» (Blumenberg, 2018, 440) и доведенная до совершенства она воплощается в фигуре актера. Однако не только сокрытие собственного тела, но и постоянное стремление «не упустить Другого из виду» (Blumenberg, 2018, 440) становится необходимым моментом в понимании интерсубъективности. Тем самым Блюменберг подчеркивает необходимость осмысления не только возможностей познания Другого, но и аналитики антропологического измерения встречи с Другим, включающей измерение телесности и феноменологию взгляда.

Критика подхода феноменологии в целом основана на том, что «Блюменберг интерпретирует феноменологию Гуссерля с намеком на Витгенштейна как особую “форму жизни” [...] аскетическую практику взгляда, натренированного на очевидности...» (Heidenreich, 2005, 32). Сама эта практика является манифестацией антропологического принципа самосохранения (*Selbsterhaltung*) (Blumenberg, 2007), которое направлено на вытеснение плоскости неочевидного и неопределенного для достижения устойчивой данности мира. С другой стороны, феноменология всегда мыслилась как один из наиболее радикальных способов сомнения и деструкции границ достоверности, которые составляют естественную установку сознания. Данному устремлению феноменологии соответствует принцип самоутверждения (*Selbstbehauptung*) (Blumenberg, 2007), как второй фундаментальной потребности в жизни человека, устремленного к преодолению устойчивых оснований собственного существования: «... поскольку речь идет не о потребностях в голой жизни и выживании, можно сказать, что человек упражняет собственную возможность преодоления границ...» (Blumenberg, 2007, 110). Именно поэтому, с точки зрения Блюменберга, феноменология в осмыслении интерсубъективности не должна останавливаться на обосновании принципа объективности, но может быть обращена к рефлексии Другого как условия опыта конечности и случайности мыслящего себя субъекта.

Таким образом, в «Феноменологических сочинениях» Блюменберга, получает свое дальнейшее развитие и уточнение проект антропологической фе-

номенологии, направленной на критику и интерпретацию жизненного мира, на поиски метафорических средств описания сознания, на аналитику времени и телесности конечного человеческого я. Работы Блюменберга широко известны в Германии, а фонды библиотек постоянно пополняются новыми изданиями благодаря активной работе специалистов в архиве Блюменберга в городе Марбах. В России творчество Блюменберга еще мало известно и недостаточно изучено, поэтому первостепенная задача предстоящих исследований должна состоять в переводе, анализе и интерпретации его основных работ.

REFERENCES

- Blumenberg, H. (2006). *Beschreibung des Menschen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Blumenberg, H. (2001). *Die Lebenszeit und Weltzeit*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Blumenberg, H. (1998). *Paradigmen zu einer Metaphorologie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Blumenberg, H. (2018). *Phänomenologische Schriften. 1981–1988*. Berlin: Suhrkamp Verlag.
- Blumenberg, H. (2007). *Theorie der Unbegrifflichkeit*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Heidenreich, F. (2005). *Mensch und Moderne*. München: Wilhelm Fink Verlag.
- Husserl, E. (1985). *Erfahrung und Urteil. Untersuchungen zur Genealogie der Logik*. Hamburg: Felix Meiner Verlag.
- Monod, J.-C. (2017). Das „Anthropologieverbot“ bei Husserl und Heidegger und seine Übertretung durch Blumenberg. *Deutsch-französische Zeitschrift für Geistes- und Sozialwissenschaften*, 25, 1–17.
- Müller, O. (2017). Phänomenologische Anthropologie. Hans Blumenbergs Lebensprojekt. In G. Hartung, & M. Herrgen (Eds.), *Interdisziplinäre Anthropologie* (325–347). Wiesbaden: Springer VS.
- Wetz, F. J. (2010). *Hans Blumenberg zur Einführung*. Hamburg: Junius.
- Wittgenstein, L. (2010). On Certainty. In *Culture. Value. On Certainty*. Rus. Ed. Moscow: AST: Astrel' Publ. (In Russian).